

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр. 6-7

**КУРАВЛЁВ,
КИНО, ОДЕССА...**

стр. 8-11

**«АДОМ ПАХНЕТ
ТВОЙ РАЙ»**

Бульварные новости

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№5 (86)
ФЕВРАЛЬ 2022

стр. 14-17

**ЧУЖОЙ
СРЕДИ
СВОИХ**

**ТВОРИТЬ
ИСТОРИЮ
КИСТЬЮ
И КРАСКАМИ**

стр. 5

**НАУЧНАЯ
ФАНТАСТИКА**

стр. 12-13

«АДОМ ПАХНЕТ ТВОЙ РАЙ»

В январе Валерий Ободзинский мог бы отметить свое 80-летие. До такого юбилея доживали многие артисты. Ему, увы, не довелось...

Александр Галис

В семидесятых годах мало кто из артистов мог сравниться по популярности с Валерием Ободзинским. Его имя набирали в афишах крупными буквами («красной строкой») вне зависимости от того, с кем он выступал в одной концертной программе. Автор этих строк помнит такую афишу возле Одесского Дворца Спорта: громадными буквами набрано «заслуженный артист Мариинской АССР Валерий Ободзинский», а ниже, более скромным шрифтом — «народная артистка СССР Клавдия Шульженко».

Народный артист Украины, конферансье Михаил Бакальчук, вспоминает такую примечательную историю. Как-то во Льво-

ве проходило всесоюзное совещание по идеологическим вопросам и его организаторы, желая сделать приятное участникам, вручили каждому по одному билету (разумеется, бесплатному) на концерт гастролировавшего в городе Ободзинского. Но многие из участников совещания обиделись: почему только по одному билету? Организаторы пытались сделать все возможное, чтобы добраться больше мест, но их усилия оказались напрасными. Ирония судьбы заключалась в том, что участники совещания были... директора всех филармоний Советского Союза...

Между тем, тексты песен, которые исполнял Ободзинский, нередко прямо-таки просились в пародию. Достаточно вспомнить хотя бы «бессмертные» в своем роде строчки из «Восточной песни»:

Валерий Ободзинский — пионер

По ночам в тиши
Я пишу стихи...

Правы, тысячу раз были правы критики и пародисты, вдоволь насымевшиеся в свое время над этим «шедевром» необычайно плодовитого в 1960-1970 гг., а ныне практически забытого «поп-т-песенника» Онегина Гаджиасимова. Но, тем не менее «Восточную песню» слушали и распевали буквально во всех концах «Союза нерушимого». И плевать

хотел пролетариат вкупе с «трудовым крестьянством» и не менее «трудовой» интеллигенцией на всякие там разносные статьи, которые периодически появлялись на страницах разных изданий. Вот, к примеру, фрагмент из рецензии, помещенной в «органе ЦК КПСС» газете «Советская культура»:

«Репертуар певца, вернее, набор второсортных, неизвестно ком написанных сочинений (их названия и авторы не обявляются в концерте) — о несостоявшейся любви, разбитых сердцах, неудачном простианинне влюбленного под дождем, о телефонных звонках — однообразен и примитивен по смыслу. Ни одно из них по настоящему глубоко не волнует слушателя и не запоминается. Вежливая публика аплодирует и даже преподносит цветы, но уходит с концерта духовно не обогащенной».

С точки зрения оценки уровня сочинений, которые исполнял певец, автор этой статьи, может быть, и был прав, но в одном он врал беззбояно: хотя песни Ободзинского и не волновали «по настоящему глубоко», но зато запомнились «сразу и навсегда». «Эти глаза напротив», «Листопад», «Вечная весна», песни из фильма «Золото Макенны»... — первое, что приходит на ум, когда речь заходит о репертуаре артиста. Да к тому же, если бы эти песни не запомнились, кто бы знал тогда их исполнителя?

Но что же такого было в этом певце, что вызывал он столь полярные эмоции — от восторженного приятия до столь же резкого отрицания? Можно, конечно, сказать, что из всех тогдашних «звезд» эстрады Ободзинский был в наименьшей степени «советизирован»: совсем немного было в его репертуаре сочинений из общеизвестной триады: «Ленин — Партия — Комсомол». Хотя и такие приходилось исполнять; без них никакой худсовет не принял бы его концертную программу. Сам помню, как свой одесский концерт 1973 года он начал вполне патриотической песней на слова Роберта Рождественского «Мы судьбою не заласканы». Но слушатели все понимали и аплодировали даже таким опусам, зная, что через два-три подобных номера начнется «главное» — песни о любви. Конечно, такой репертуар не сильно нравился идеологам (выше мы уже цитировали — почему), но приходилось мириться с «незаконной кометой в кругу расчисленных светил». Ведь во времена «развитого социализма» на средства от сборов, которые приносили концерты эстрадных коллективов и солистов, содержались симфонические и камерные оркестры, солисты филармоний — исполнители классического и фольклорного репертуара. Помню, что слышал от кого-то из администраторов, что на доходах от концертов Ободзинского можно было «кормить» средних размеров филармонию. Главной же причиной грандиозной популярности Валерия Ободзинского был его голос. Воистину, то был божий дар, самим артистом доказано не сразу осознанный.

О детских годах Валерия Ободзинского известно, к сожалению, немного. Он родился 24 января 1942 года в оккупированной Одессе, в доме на Дворянской, 25 (тогда он называлась Петра Великого). Дом этот находится рядом с консерваторией и напротив музыкального училища, так что поневоле думалось, что само место рождения определило его будущее. (Сейчас на этом доме висит мемориальная доска; решение городских властей о ее установке, можно сказать, «пробил» Михаил Бакальчук).

Учился Валерий в школе № 80, практически рядом с домом, надо было только перейти улицу Островидова (ныне Новосельского). Еще в школе у него прорвался звонкий красивый голос. В одном из редких своих интервью Ободзинский признался, что в юные годы испытывал чающие интонации своего голоса, мягко говоря, не по назначению. Он рано связался с «плохой компанией», где его использовали в качестве «отвлекалки». Валерий пел на Приморском бульваре или на пляже, и пока отдыхающие заслушивались любимыми песнями, юные воришки обищали их карманы. (Слышал, что, когда Ободзинский, уже будучи знаменитым, приезжал на гастроли в родной город, то неизменно приглашал на свои концерты участников, которые помнили его юным «хулиганом», и усаживал их на лучшие места. А те не без гордости рассказывали молодым коллегам о своем былом «подопечном», ставшем такой яркой «звездой»). Но так продолжалось пока юноше не встретилась Валентина Семеновна Борховин — руководитель молодежного театра при Доме культуры медработников.

Личность этой женщины заслуживает отдельного рассказа. Пока что ограничимся тем, что из ее скромного любительского кружка вышло немало мастеров искусства, самый известный из которых — народный артист Российской Федерации, многолетний главред Липецкого драмтеатра Владимир Пахомов. В своем руководителе юные таланты находили не просто первооткрывателя театральных тайн, но и «вторую маму». Валентина Семеновна рассказывала автору этих строк, что впервые юному Валерию Ободзинского она увидела на Приморском бульваре, где он сидел в окружении откровенных «сорвиголов» и что-то отчаянно-громко напевал под гитару. Подобных сцен в ту пору можно было наблюдать множество, но голос у мальчика был такой, что заставил опытного педагога остановиться. Затем они разговорились и Валерий, которому едва минуло 15 лет, признался, что очень хотел бы выступать на сцене. Так он попал в детский театр Дома медработников. Пробы он там недолго, из маленькой сцены потянуло на большую, «настоящую». Однако на эстраду будущий прославленный исполнитель «шлягеров» вышел впервые в качестве контрабасиста. Как вспоминал известный джазмен, «золотая труба Одессы» Аркадий Астафьев, Ободзинский, как и многие тогдашние музыканты, зарабатывал на жизнь, играя в ресторанах. Пели он уже в ту пору, неизвестно. Скорее всего, что нет, поскольку в этом возрасте как раз «ломается» голос.

С первой женой Нелли

Валерий Ободзинский — контрабасист (крайний справа)

По свидетельству В.А.Шипулина, свою профессиональную карьеру Ободзинский начал в Томской филармонии, где с 1960 по 1962 гг. работал артистом-инструменталистом, играл на контрабасе в джаз-квартете при филармонии. Сохранилась характеристика от 5 сентября 1961 г. за подписью директора филармонии В.С.Цейтлина: «Молодой растущий музыкант, технически продвинут, хорошо чувствует ансамбль. Упорно работает над усовершенствованием своего мастерства». Видимо, в этот период Ободзинский начал выступать и как ис-

полнитель песен. Ибо в 1963-м был принят в ту же Томскую филармонию, но уже в качестве артиста-вокалиста третьей категории.

Жизнь провинциального эстрадного артиста забросила Валерия в Норильск, где он был замечен гастролировавшим в тех краях знаменитым джазменом Олегом Лундстремом и взят на работу в его оркестр. Затем способного юношу переманил композитор Юрий Саульский, который создал также некогда очень известный оркестр «ВИО-66» и с этим коллективом Валерий впервые появился в родном городе в качестве гастролера.

Саульский, всегда любивший поддерживать молодые дарования, по всей видимости, и рекомендовал Ободзинского для участия в песенном фестивале в Болгарии, где артист имел успех с песней модного тогда болгарского композитора Карадимчева «Луна на солнечном берегу». Что интересно, тогда он впервые услыхал Бедрос Киркоров, сам некогда популярный певец и отец нынешней «супер-звезды». А из рассказа Филиппа Киркорова и вовсе следует, что он появился на свет под звуки голоса Валерия Ободзинского. Семейное предание гласит, что песня «Эти глаза напротив» в его исполнении звучала по радио в тот самый момент, когда Виктория Михайловна рожала сына. В это нетрудно поверить, поскольку в конце 1960-х это соединение Давида Тухманова было едва ли не главным «шлягером» советской эстрады.

«Эти глаза напротив» принесли молодому певцу прямо-таки безумную популярность, которую упрочили и другие

«шлягеры» — «Восточная песня», «Что-то случилось», «Карнавал» и др. Наш земляк Михаил Бакальчук вспоминает, как легко ему было вести программы, где участвовал Ободзинский. Любой зал — вплоть до многотысячных дворцов Спорта — всегда был набит билетами, да и представлять артиста не требовалось; достаточно было элементарного объявления: «Пёт Валерий Ободзинский» — и зрители откликались восторженным ревом...

К счастью, даже став «суперзвездой», для друзей своего детства и юности Ободзинский оставался нормальным одесским парнем. О своих корнях всегда помнил, нередко приезжал в родной город, тем более, что был желанным гостем в черноморских краях. Увы, но будучи в зените славы, певец не смог уединяться от известных соблазнов. В 1980-х его имя внезапно исчезло с концертных афиш. Поползли слухи: спились. К несчастью, так оно и было. Диагноз послевоенной разрухи, Валерий в детстве большую часть времени проводил на улице. В 13 лет выпил свою первую рюмку, а уже в 17 лет допился до «белой горячки». Женившись, Валерий решил «заязывать» и 15 лет, в течение которых он удерживал себя «в рамках», были счастливой порой непрестанного творческого взлета. Но в какой-то момент он дал слабину...

Музыкант Павел Шахарович, много лет проработавший с Ободзинским, с грустью вспоминает об этой истории: «С нами тогда стал работать конферансье

Окончание на с.10

С дочерью Анжелой

Окончание. Начало на с.9

Алов — наркоман и пьяница, который так и говорил Валере: «Самый счастливый день у меня будет, когда ты выпьешь водки». И этот день наступил, вернее, ночь. Во время встречи Нового, 1976 года, Ободзинский заявил: «Я сейчас выпью водки». Стали его умолять, жена плакала. Но он выпил...». Все произошло так, как в одной из сплетых им песен:

Синекая бездна,
Знаю силу твою.
Только звать бесполезно,
Я стою на краю.
Синекая бездна,
Адом пахнет твой рап.
Я сорвус и исчезну,
Если стану на край...

Артист и в самом деле оказался «на краю». Он зарабатывал огромные деньги, новое уходило на алкоголь и наркотики. От наркомании он, правда, избавился, но тяга к алкоголю осталась. С эстрадой пришлось распрощаться, с семьей — тоже. Знаменитый артист, которому еще совсем недавно руководила вся страна, оказался почти бомжем, скитающимся по друзьям и знакомым, пока не устроился... сторожем на фабрике. Вместо тысячных гонораров он получал 120 рублей в месяц. Но был даже рад этому: по крайней мере, наркотики из таких заработка становились недоступными.

«Ангелом-хранителем» погибающего артиста оказалась одна из давних его поклонниц Анна Есенина. Музыканты одесского ансамбля «Мозаика», в 1989 году сопровождавшие знаменитого певца Бориса Рубашкина в гастрольной поездке по Союзу, вспоминали, что эта женщина ездила с ними в качестве костюмера, или попросту «одевальщицы». В 1991 году она встретила вконец опустившегося певца и решила попытаться вернуть его на эстраду. Задача была непомерной трудности, ибо воистину нет у человека врага большего, нежели он сам.

По какой-то причине в 1993 году Ободзинский сбежал от своего «ангела-хранителя» в родной город. Аркадий Астафьев рассказал, как был потрясен, когда увидел своего старого знакомого на пороге ресторана: прежде всегда франтоватый, тот выглядел обворванцем. Затем в «Одесском вестнике» появилась заметка, будто Ободзинский «упал со смотровой площадки». Потемкинской лестницы и его увезли в горбольницу с диагнозом «сильная алкогольная интоксикация и черепно-мозговая травма». Кто-то из москвичей прочел заметку и сообщил Анне. Она тут же приехала в Одессу и увезла мужа домой.

Но все-таки чудо свершилось. Ободзинский вернулся в песню. Внешне он изменился до неузнаваемости. Когда в начале 1990-х он появился на телезкране в передаче «Золотой шлягер», то те, кто помнил певца в пору его расцвета, испытали шок: в свои пятьдесят лет былущий кумир девчонок всего Союза выглядел стариком. Но голос звучал по-прежнему звонко и молодо...

Возможно, он уже что-то предчувствовал. Потому что, когда все-таки появлялся на сцене, то неизменно исполнял знаменитое «Палестинское танго» Александра Вертиńskiego. Пел он эту песню и на последнем своем выступлении, запись которого сохранилась, — на юбилее известного коллекционера грампластинок Валерия Сафошкина...

И в том краю, где нет ни бурь, ни битвы,
Где с небыльется золотая лень,
Еще поют какие-то молитвы,
Встречая ласковый и тихий божий день.

И люди там застенчивы и мудры,
И небо там как синее стекло.
И мне, уставшему от лжи и пурпур,
Мне было с ними тихо и светло.

Так пусть же сердце знает, мечтает и ждет,
И вечно нас куда-то зовет,
Туда, где улетает и тает печаль,
Туда, где зацветает миндаль...

Летом 1997 года в нескольких газетах появилось сообщение о смерти Валерия Ободзинского. В память о нем в Доме

медработников, том самом, где начинал свой творческий путь артиста, мы устроили вечер. Михаил Бакальчук рассказывал о своих встречах с Ободзинским, а потом звучали песни. Людей собралось немногого, атмосфера была почти домашней. Говорили тихо, вполголоса, слушали со слезами на глазах.

Слушают до сих пор...

Мне не раз доводилось писать о Валерии Ободзинском и эти статьи неизменно находили отклик. Два интересных письма предлагаю вниманию читателей.

О юных годах артиста рассказывает его одноклассница Людмила Ивановна РЕМЕЗОВА (Силаева).

«Что я помню о Валерии Ободзинском? Школа № 80, ул. Островского. В классах — одни девочки. Большой двор, по средине огромный каштан, который, вероятно, был посажен еще при основании Одессы. Мы — послевоенные школьники, плохо одеты, слабенькие. В городе голодно. Где-то в 1953 г. к нам в школу пришли учиться и мальчики.

Валера Ободзинский. Обычный мальчик, худенький, бледный, небольшого роста. Вначале был совсем незаметен. Когда стали взрослесть, стали больше общаться. Все было очень строго, но в школе бывали редкие концерты (утренники), попозже и вечера с танцами (что-то вроде сегодняшних дискотек). В это время и узнали, что Валера поет. Но он был бунтарем, школьные песни не пел. Любил итальянские песни. Пел красиво, с надрывом, характерным для итальянских певцов. За это его называли «Карузо».

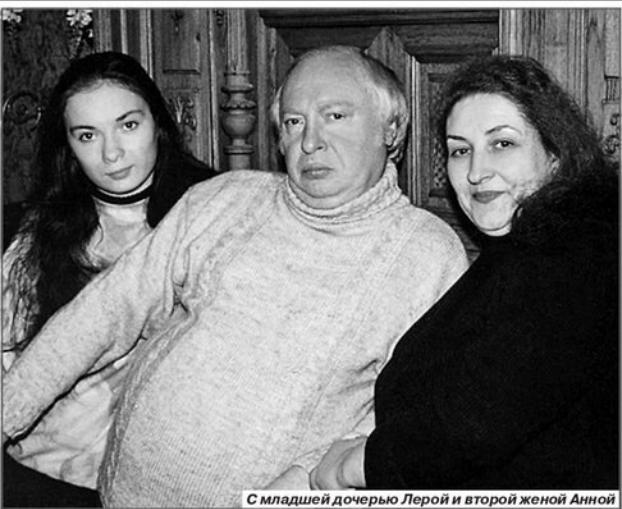
Семья Валерия почти ничего не знала. Его воспитывали тетя и дядя (с чьей стороны родные, не знаю). Что произошло с родителями, не могу сказать. Жил Валера напротив школы, возле консерватории им. Неждановой.

С возрастом все меняются и Валера, когда повзрослел, резко изменился. Стал модничать, подражать Элвису Пресли. Взбийкой кок, брюки-дудочки, туфли на высокой каучуковой подошве, красные носки, пиджак с большими плечами, особая походка. Был ироничен, в школе — непокладистый, но галантен с девочками. И очень ранним. Короче — душа артиста пряталась под маской эта-котки внешней расхлябанности.

В то время мы, уже не дети, но еще и не очень взрослые, вечерами ходили, гуляли по Дерибасовской (по «Бродвею», по «Бродвею»). Это было модно, хотя для девочек рисковали, чтобы лишний раз послушать, как раскрепощается, когда поет, Валера. Он пел «на публику», то здесь, то там, то прямо на улице. Вокруг всегда собирались зеваки, особенно молодежь. Его за это уважали даже хулиганы, становились чище, что ли. Никто не смел при Валере обидеть девочку, сказать при ней плохое слово. И он пел для людей, для себя, просто так.

В школу Валера иногда приносил пластиинки (где уж он доставал, не знаю) с новыми, зажигательными ритмами — «рок-н-роллы». Но что вы! Этого было нельзя, на это был строгий запрет! Но молодое любопытство брало свое. Мы иногда собирались у кого-то дома, где был патефон. Ставили пластиинку (иногда плакинку на «кошках», с записью) и слушали, пытались танцевать. Валера танцевал рок-н-ролл уже классно! Да и партнерша у него была под стать ему. Они летали перед нами, как два мотылька... Но, повторяю, все было очень строго. Была в то время (1957-1958 гг.) так называемая «легкая кавалерия». Что-то вроде народной комсомольской дружины. Ходят, слушают. Где услышат этот развратный рок, так и нагрянут, стыдят. А потом, на Дерибасовской угол К.Маркса, в «Окне сатиры» нарисуют тебя, виляющего в танце, и фамилию напишут в школу, и слово «Позор!...» Мы были комсомольцами, примерными учениками и очень боялись этого позора, т. к. нас за танец могли исключить из комсомола и даже из школы. Этот танец, «рок-н-ролл», был капиталистическим, чуждым. И мы понимали это, но уже дури ветры перемен. И молодость брала свое.

Закончена школа. У всех — своя дорога, своя жизнь.

С младшей дочерью Лерой и второй женой Анной

Со второй женой Анной

Встретились с Валерием мы уже совсем позврассешиими, в самолете. Я — стюардесса на этом рейсе, он — с женой, серьезный молодой человек. Летели мы из Москвы в Одессу. Это был где-то 1964 или 1966 год. Поговорили, он пригласил меня на свой концерт, который Валерий давал в Одессе. Я, наверное, обидела его, т. к. удивилась, что он уже известен, его передают часто в радиостанции «Юность» (так мне он сказал). А я, честно говоря, в своих жизненных заботах и пропустила это...

Потом еще одна встреча, последняя. Я уже ходу с семьей в Москве. Валерий — знаменит вовсю, все распевают его песни. Я тоже с удовольствием слушаю своего сверстника: «Эти глаза напротив», «Восточная песня» и другие звучат по радио, на пластинках.

Но мне Валера запомнился больше таким, когда с юношеской пылкостью пел «Вернись в Сорренто», «Санта-Лючия», «О, соле миа», и даже арию Канио из оперы «Паяса»...

Однажды я привела на концерт Валерия Ободзинского своих детей — дочь 14 лет и сына 8 лет. Дочь передала ему записку с просьбой исполнить песню и приветом, я подписалась своей девичьей фамилией. И Валерий пел тогда для нас, пел нежно и вдохновенно песню, которую передают нечасто: «Я у моря рожден»...

Знала, что его семья живет в доме у проспекта Мира (Москва), там жили мои знакомые. Всякое говорили. Что ушел из семьи, не ночует, пьет... Потом, якобы, он встретил свою «Музу», женщины, которая сумела поднять его из небытия. Слава и хвала ей!

В середине девяностых годов Валерий снова появился на недолгое время (увидела по телевизору), записал несколько замечательных песен с изумительными текстами: «Встреча», «Синеокая бездна» и др. Но безжалостная, ранняя смерть оборвала его особенный, ни с кем не сравнимый нежный голос... Дома у меня есть кассета «Колдовские ночи». Я ставлю и пытаюсь не помнить его таким, каким увидела по телевизору в середине девяностых, а вспоминаю светловолосого, тоненького паренъка с высоким лбом. Он поднимает руки и дарит нам, своим слушателям, свое обаяние и чистый, высокий голос.

О совместной работе рассказывает музыкант Павел ВАЙМАН.

«По счастливому случаю мы узнали друг друга в возрасте 9-10 лет, 16-я станция Большого Фонтана. Пионерлагерь «Судпром», куда нас привели родители по «горящей» путевке. По своему мальчишескому любопытству я обратил внимание на своего сверстника, разко отливающего от всех нас, пионеров. Уже тогда Валера с наступлением темноты на пионерской площадке пел девочкам и мальчишкам все знакомые песенки тех лет, что привлекло внимание всего лагеря. Да и сам я тоже был замечен на виду всего лагеря с педальной трубой, на которой учился играть, на тот период времени очень популярной. Выделяясь среди всех, не давал спать поутру пионерам, дудел зарыку, на пионерском горне — «подъем», «на зарядку становись».

Валера обо всем этом напомнил уже в зрелом возрасте, в купе вагона «Одесса-Москва», куда мы, четверо одесских музыкантов, ехали в сторону Костромы на работу в филармонию. Под музыкальным руководством Симона Кандыбы — sax-ten, соло-ритм гитара Валера Гольдберг, на трубе я, Павел Вайман, контрабас-певец Валерий Ободзинский. Бригада была под художественным руководством ведущего концерта Валерия Муратова, называлась «инструментальный ансамбль «Юность, мечта и песня»...

Немногие знают, что Ободзинский был потрясающим исполнителем еврейских песен на идиш. Вспоминаю выездной концерт в еврейское местечко — городе Балте. Когда мы сели в холодный филармонический автобус, где зуб на зуб не попадал, я заставил всех улыбнуться, сказав, что мы едем на концерт в Прибалтику вокруг Балты.

В своей вокальной программе Ободзинский спел и еврейские песни. Первая песня на еврейском языке называлась «Оэр кранкер шнейдер», что в перево-

де означает «Больной портной». Вторая песня — «Аз Ицык хоте хасэлте гегат», связана с еврейской свадьбой «Ицык женится». Валера завершил эти песнями концерта. Когда ведущий объявил конец концерта, вся публика подбежала к авансцене, что у молодых, что у старых евреев выступили слезы на глазах. Занавес уже не удалось закрыть, каждый из тех, кому удалось быть недалеко от Валерия, задавал ему вопросы, и один из них был задан по существу. Как сейчас помню, подошли муж с женой и кто-то из них сказал: «Валерочка, вы так здорово поете еврейские песни, но вы совершенно не похожи на еврея». Не растерявшись, с одесским юмором Валера ответил, улыбаясь: «Папа у меня — поляк, мама — украинка, а я — еврей». Что вызвало смех у всей толпы.

Еще одно воспоминание, времен совместной работы с Ободзинским.

У Валеры был такой чемоданчик, в котором лежали коробок со спичками, пробка от «Советского шампанского», и всякое разное, что нужно для грима. Вот эту пробку от шампанского нужно было обжечь со всех сторон, и когда на ней появлялась сажа, Валера нагибал свою голову и я этой пробкой, что в саже, ему закрашивал лысинку, чтобы никто не заметил во время поклонов, что у него есть проблемы в центре макушки. «Лысенка», как он называл ее, — площадка на радость молодым девчонкам.

Как-то Валера приехал на гастроли в Одессу с ВИА под управлением Игоря Петренко. Я зашел на сцену Русского театра, мы встретились с Валерой, крепко обнялись и, как ни в чем ни бывало, он

попросил, как и в прошлые разы, тоже пробкой от шампанского замазать сажей ту же «Лысенку», но которая стала в объеме значительно больше прежней. И, как всегда в концерте Ободзинского, зал слачен с первых минут...

Последняя встреча — его сольный концерт в Москве. Афиши по всему городу, никакой надежды попасть на этот концерт. Но я все же решила подойти к театру Эстрады, испытать счастье увидеть еще раз моего кумира. Мне удалось его вызвать. Валера, уже в легком гриме, в концертном костюме, при бабочке. Как всегда, обнявшись при встрече. Валера сказал: «Паша, подожди», отлучился на пару минут, снова вышел и дал мне кондитарскую на служебное место в первом ряду партера».

Памяти своего одноклассника Людмилы Ремезовой посвятила стихи.

Конец пятидесятых... Элвис Пресли... С мальчишками мы ходим на футбол. И тайно собираемся все вместе, Чтоб танцевать запретный рок-н-ролл.

Расплетены косички — хвост конячий, На тонкой шейке — шелковый платок. От страха обмияя, сумки прячем, А в сумке — «на kostях» запретный рок.

Мальчишок не узнать — одни стиляги, Высокий кок и в дудочку штаны. Запретный плод, как первые варяги, Вкусаем под суровый взгляд страны.

Вот патефон заведен, стали кругом. Пластина зашипела: «Ван, ту, фри...» Мы рокаем танцем лих с школьным другом, Нам весело мигают фонари.

Но вот, с набриолиненной прической, На круг выходят в «манке на шузах», Валерка Ободзинский с Рыжей Розой, А ноги их, как будто, на винтах.

Они вдоем такое вытворяют! Козлами скучут, вертятся юной, У Розы юбка пузырем взлетает... Но поздно, и пора нам всем домой.

Идем по засыпающей Одессе, Мы молоды, горячие сердца. — Валерочка! Каузо, спой нам песню, Ну ту, под итальянского певца!

Как запоет он сладко: «Соле Мио...» Замрет в восторге девчий дух! Мы — юны, хороши, и мы счастливы, И нет у нас в кармане ни гроша!

А улица центральная внимает (По ней ходил когда-то Де-Рибас)... Хозяйки тихо окна открывают И слушая Валерку, любят нас!

Звезда Валерия Ободзинского на Аллее Звезд в Одессе

